

ОТЕЦ ПАВЕЛ СИДЕЛ на палубе парохода и пил... Стоявшая перед ним на столике бутылка водки была уже выпита почти до дна. Пил отец Павел без закуски, глотая рюмку за рюмкой, через более или менее значительные промежутки времени. Отец Павел замечал отношение к себе публики, но не думал смириться, наоборот, всячески старался показать свое полнейшее к ней равнодушие. Особенно хотелось отцу Павлу выразить свое презрение одной духовной особе, спокойно гулявшей в числе прочих пассажиров по палубе, и, видимо, любовавшейся картинами волжских берегов. Величавая осанка, уверенная поступь, красивые движения этой особы прямо-таки претили отцу Павлу. Лица того батюшки отец Павел не успел рассмотреть. Батюшка держался вдали и только раза два мельком в полуобороте взглянул на отца Павла. «И чем только гордится человек, – подумал отец Павел, – ведь такой же священник, как и я, только что в городе, может быть, служит да казенного жалования тысячи две получает. При такой жизни и мы сумеем пофорсить... Поставить бы тебя на мое место, посмотрел бы тогда я на тебя, а поди-ка: как будто архиерей какой!». Отцу Павлу еще горше стало от этих дум. Досада на «величавого батюшку» разгоралась. Он схватил рюмку, залпом влил ее себе прямо в горло и по-мужички сплюнул на пол так энергично, что и без того едва державшаяся на голове шляпа упала к ногам.

В это время «батюшка» повернулся и тихою поступью направился в сторону отца Павла. Отцу Павлу почему-то показалось, что батюшка идет прямо к нему. Не поворачивая головы, он стал прислушиваться к приближающимся шагам батюшки, к тихому шелесту его шелковой рясы. Вот он уже совсем близко от него. Отцу Павлу захотелось сделать какую-нибудь неприятность этому батюшке, сказать какую-нибудь колкость, поставить его в неловкое положение.

– Отец! А, отец! – обратился он к поравнявшемуся с ним батюшке и насмешливо уставился на него. – Не хочешь ли водочки?

Батюшка остановился, посмотрел на полупьяного отца Павла и улыбнулся.

– Спасибо, родимый, я не пью. – Взглянув затем на пол, батюшка наклонился, поднял валивающуюся

шляпу отца Павла, бережно расправил ее и, положив на столик, сам сел рядом с отцом Павлом.

Отец Павел такого не ожидал. Он подумал, что чистенький батюшка ответит на его выходку презрительным взглядом и поскорей постарается пройти мимо него, а он – отец Павел – расхохочется ему вслед. Поступок батюшки обезоружил его. Отцу Павлу стало неловко. Мысль, что он оскорбил доброго человека, смутила его. Желая как-нибудь отделаться от чувства неловкости и сгладить резкость своей выходки, отец Павел счел за лучшее продолжать разговор, перейдя от насмешливого к развязному тону полупьяного человека:

– Ты откуда же будешь? – спросил он подсевшего к нему батюшку и исподлобья взглянул на него.

«Батюшка» поправил полурясы, сел поудобнее и, повернувшись лицом к отцу Павлу, начал спокойным ровным голосом:

– Я – издалека... Еду вот и люблюсь матушкой Волгой. Какая у вас здесь благодать, какой простор. Много богатства всякого здесь у вас, – продолжал между тем батюшка, – но много и горя... много слез и нужды безысходной. Но это еще не велика нужда. Мне пришлось наблюдать жизнь одного народца на окраине нашего Отечества. Живет он куда беднее многих наших крестьян, а как посмотрю на него – молодец к молодцу: все как на

еще в сердце вера в Бога. Ну, а теперь скажите, не больно ли ему видеть пастыря церкви вот за таким занятием?

Отец Павел смущенно покусился на стоящую перед ним бутылку водки, а «батюшка» позвонил и велел пришедшему на звонок официанту убрать бутылку и рюмку. Отец Павел не протестовал и только, как бы оправдываясь уже, заговорил:

– Да ведь обида-то у меня большая: с горя и пью, это вы верно, отец, сказали.

– А вы расскажите-ка лучше свое горе, поделитесь со мной по-братски, может быть, оно и не таким тяжелым покажется. Высказанное горе – полгоря.

Отец Павел и сам уже давно почувствовал желание поведать свое горе «ласковому батюшке». К этому распола-

Вероятно, что-нибудь да знает про архиерея.

Искать долго отца Герасима не пришлось.

– Батюшки! Да никак Павлуша... Это ты, голубчик... Какими судьбами?

Отец Павел не сразу нашелся, что ответить. Товарищески обняв отца Герасима и трижды поцеловавшись с ним, он грузно опустился на стул. Отец Герасим сыпал вопросами. Скомкано и уже не с тем одушевлением, с каким рассказывал он батюшке на пароходе, передал он свою историю отцу Герасиму.

– Ну, не унывай, – сказал отец Герасим, – дело поправимое. У нас теперь новый архиерей, довольно оригинальный, и, кажется... многообещающий... Может он и совсем с другой точки зрения посмот-

АРХИЕРЕЙ

подбор. Подумаешь, что нет у него ни горя, ни забот, и никакая нужда ему неведома. Так вот, не в бедности беда и не в горе. Беда в том, что не умеет наш русский народ бороться с горем, с бедой. Нагрянет на него беда, он чаще всего старается только отделаться как-нибудь от горя, затупить его, заглушить, залить. Точь-в-точь вот как вы. Вас горе постигло, а вы, вместо того, чтобы бороться с ним, раздосадовались и запили... и к одному горю хотите приложить еще и другое.

Отец Павел удивленно посмотрел на батюшку. «Откуда же он знает, что я пью с горя?», – мелькнуло у него в голове.

– А между тем, – батюшка положил свою руку на плечо отца Павла и шуточно поступал по нему, – посмотрите-ка, какая у вас мощь... экие широкие, богатырские плечи... да с такими силами не только свое горе, а еще и чужого сколько можно унести...

Чем-то бодрым пахнуло на отца Павла. С удовольствием вспомнил он, как крестьяне его села, его прихожане, говаривали про него, что супротив нашего батюшки во всем селе работника не найти.

– Вот еще черта русского характера, – как бы размышляя сам с собой, продолжал батюшка, – постигнет человека горе, и носится он с ним и уже ничего и знать не хочет, и не подумает о том, что у другого может быть еще большее горе. Любим мы своим горем застилать сердце, и не замечаем, что, носясь со своим горем, мы другим горя подбавляем. Как вот вы, например.

– Кому же я-то горе доставляю? – с недоумением спросил отец Павел.

– Как, кому? Вот вы сидите и пьете, свое горе заливаете, а вот о том человеке, вероятно, и не подумали... Вон тот господин, что на том конце на скамейке сидит. Сейчас мы проехали село, там церковь показала. Этот господин снял шапку и набожно перекрестился – есть, значит, у него

гало доброе лицо и особенно его глаза – умные, серьезные и как будто грустные, а между тем так и искрившиеся лаской и теплом. Такие люди спрашивают о чужом горе не из любопытства.

– Под суд я попал, – начал отец Павел и рассказал свою историю, а также добавил, что ищет место в другой епархии.

– Бороться надо с горем, да Богу молитесь поусердней. Молитва бодрит человека, освежает его ум, а человек со свежими силами всегда себе выход найдет. У вас добрая душа, силы есть. Так не губите же себя и других. Ну, кажется, мы уже подъезжаем к городу. Скоро нам сходить... Я тоже в первый раз сюда еду. Недавно только получил назначение... Вот что – вы зайдите ко мне в городе, моя квартира будет рядом с кафедральным собором. Мы еще поговорим с вами. Может, что-нибудь и придумаем. А теперь пока прощайте. Надо собираться.

Батюшка встал, подал руку отцу Павлу и трижды облобызался с ним.

– Прощайте, – смущенно говорил отец Павел. – Спасибо вам за доброе слово и простите меня... Я не знал, что вы такой...

– Бог простит, – улыбнулся батюшка и скрылся в каюте.

Пароход причаливал к пристани.

Прошла неделя. Отец Павел все никак не мог собраться с духом, чтобы пойти со своей просьбой к архиерею. Из газетных известий он вычитал, что новый архипастырь уже приехал и вступил в управление епархией. «Каков-то он из себя, – с тревогой думал отец Павел. – Что как не примет, или скажет: поезжай, мол, туда, откуда приехал».

Наконец, отца Павла осенила мысль предварительно расспросить кого-нибудь об архиерее. Он вспомнил, что в городе, где-то на окраине, служит священником его бывший товарищ по семинарии отец Герасим. Не разыскать ли его, да поговорить с ним?

рит на твой поступок.

– А я вот собственно за этим и зашел к тебе: расспросить, каков он у вас?

– Как тебе сказать... Видал я его: ходил тоже в собор на встречу. Сразу не узнаешь человека. А только преоригинальный господин. Я этаких еще не видывал. Это какой-то неслышанный архиерей. Про «встречу»-то его и теперь еще сколько разговору по городу идет. Слышал, чай?

– Нет, не довелось: я ведь с недельку как приехал сюда.

– Да и он-то всего с недельку. В прошлую пятницу получили телеграмму, что едет, мол, на пароходе, завтра-де у вас будет. Собрались все наши отцы в собор. Облечились, люстру зажгли. Приготовились. Все как следует. И из публики кой-кто пришел. На пристань карета покатила. Расселись отцы в алтаре. Ждут-пождут, когда это на колокольне разрезвонят, а тем временем разговоры всякие промеж собой ведут, все больше про архиереев. Тут один батюшка-шутник анекдот еще какой-то рассказал, и так это у него смешно вышло, что протоиерей как стоял возле архиерейского кресла, так и грохнулся в него. Сидит, хохочет: в правой руке кадило, а в левой дикирий. Тут уж все от вида протоиерея хототать стали. За разговорами да за хохотом и не заметили, как в алтарь вошли двое каких-то батюшек, а может, кто и заметил, да внимания не обратил: мало ли заходит в алтарь чужих батюшек? Вошли батюшки чинно, помолились, приложились ко святому престолу: один, с наперсным крестом на груди, стал этак в сторонке, в руках жестяную коробку держит, в которой, знаешь, камиллавки носят, а другой стал собор осматривать, оглядел алтарь, пошел дальше...

Вдруг слышим, к собору карета подкатила, а трезвону нет. Что бы это значило? Глядим, идет кафедральный и прочие отцы, что ездили на пристань встречать владыку, и больше никого. «Нет, – говорит ка-

федральный, – не приехал». Стопились отцы в кучку, решают вопрос, как же быть? А в это время тот батюшка из алтарной дверки выходит и прямо к архиерейскому месту... стал на орлец и верхнюю рясу с себя снимает. Тут уже все обернулись на него. Снял батюшка рясу... глядя, а у него на груди панагия... Тут другой батюшка подошел к нему, открыл жестянку и подает ему клубок. Надел он клубок, перекрестился, благословил всех, да и говорит: «Мир вам, отцы и братия! Спасибо, что потрудились, пришли сюда встретить меня». Стоят отцы и братия, глазами хлопают: больно уж неожиданно все это вышло. А владыка между тем продолжает, – Было, – говорит, – мирное время на Руси, когда высоко чтилась святая вера православная, высоко чтились тогда и архиереи. На церковный трезвон сбегался весь народ с великою славою встретить своего архипастыря. Теперь не то: упало благочестие в народе, а интеллигенция наша и совсем отшатнулась от церкви. Грядут дни великого испытания для верных чад церкви, для ее пастырей и архипастырей. Тайна беззакония деется, растет и ширится с каждым днем, с каждым часом. Кому же и восстать на брань со злом, как не нам, пастыри словесного стада Христова! Дружно же возмемся за тяжелый труд, братия. Впереди нас Сам Пастыреначальник Господь наш Иисус Христос. Его имейте всегда перед своими глазами. О Нем помните непрестанно: каждую минуту, каждую секунду. Говорю это к тому, что вот вы, например, собрались встретить архиерея, а про невидимого великого Архиерея и забыли. Здесь святой престол Его, а вы анекдоты всякие рассказываете. Не в укоризну вам говорю сие горькое слово правды, а просто отмечаю факты. Много и других неурядиц у нас. Кто виноват в них? Не время теперь заниматься этим вопросом. Становитесь все – правые и виноватые – за святую работу, за возделывание нивы Божией. Вы посмотрите, что только делается здесь на этой ниве...».

Много и долго говорил владыка. Хорошо говорил... Под конец попросил всех помолиться с ним перед началом его служения на новом месте... Тут только опомнились отцы, стали подходить под благословение, поздравлять с прибытием... Отслужили молебен. Разоблачился владыка, надел опять свою рясу, да и марш с амвона. Тут к нему кафедральный с ключарем подошли, на ступеньках подхватили его под руки, а он им: «Не беспокойтесь, – говорит, – я не беременный». Схватил сам одного да другого под руки и потащил их перед собой. «Ну, – говорит, – показывайте, где тут моя квартира, а вас всех, отцы и братия, прошу ко мне пожаловать в воскресенье вечером на чай...» Да, оригинальный архиерей... Завтра тоже он служит тут в монастыре. Сходи, посмотри, если есть желание... – предложил отец Герасим своему гостю.

Иеромонах ТИХОН

(Продолжение читайте в следующем номере)